

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ВЕКТОР ПОГЛОЩЕНИЯ

18+

Анатомия капитала • Книга первая

Алексей Чернявский

**Анатомия капитала. Книга
1. Вектор поглощения**

«Автор»

2026

Чернявский А. А.

Анатомия капитала. Книга 1. Вектор поглощения /
А. А. Чернявский — «Автор», 2026

Смерть основателя балтийской логистической империи Олега Раевского сочли инфарктом, пока за его активами не пришли хищники. Агница Раевская, старший партнер лондонской юридической фирмы с оксфордским дипломом, возвращается в Санкт-Петербург, чтобы спасти семейный холдинг от поглощения. Против нее играет Кирилл Воронцов — институциональный стратег и глава фонда «Aeterna Capital», выкупивший долговые свопы компании на сорок миллиардов рублей. Когда в борьбу за глубоководные причалы вмешивается криминальный картель с теневыми генералами, единственным способом выжить становится опасный альянс: фиктивный брак с жестким разделом имущества, корпоративная война и сапиосексуальный поединок двух равных умов. Но какую тайну хранил покойный олигарх, толкая дочь в руки человека, которого она поклялась уничтожить? Интеллектуальный романтический триллер в эстетике «тихой роскоши».

© Чернявский А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: «Нулевой горизонт»	5
Глава 1. Юрисдикция Лондона	7
Глава 2. Гранит и цинк	14
Глава 3. Овердрафт и ультиматум	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Чернявский

Анатомия капитала. Книга

1. Вектор поглощения

Пролог: «Нулевой горизонт»

Локация: Финский залив, 14 морских миль к западу от острова Котлин.

Время: 23:42, конец октября.

Погода: Шторм 4 балла, северо-западный ветер, температура воды $+3^{\circ}\text{C}$.

Ночь над Балтикой не имела оттенков — только сырую, маслянистую черноту, в которой растворялись огни Кронштадта.

Сорокаметровая экспедиционная яхта из матового титанового сплава резала волну почти бесшумно: гибридные двигатели работали в режиме малого хода, оставляя за кормой лишь узкий след вспененной ледяной воды. На борту не горели ходовые огни. Судно шло «невидимкой» — так, как Олег Раевский привык перемещаться последние тридцать лет своей жизни.

В главной каюте пахло полированным палисандром, холодным дождем и лекарственной горечью нитроглицерина.

Раевский сидел в глубоком кожаном кресле перед панорамным бронированным остеклением. На стекле дрожали и разбивались капли. В правой руке он держал тяжелый хрустальный рокс с выдержанным шотландским виски, к которому за два часа так и не притронулся. Левой — сжимал массивный серебряный кулон на толстой цепочке. Внутри металла, защищенный герметичной прокладкой, лежал чип с резервным ключом шифрования от швейцарских транс-

Его пульс падал. Медленно, неотвратимо, с паузами, которые кардиологи в Цюрихе называли предвестниками фатальной аритмии. Врачи давали ему три недели. Раевский усмехнулся потрескавшимися губами: три недели — непозволительная роскошь для человека, за чьей спиной хищники делили активы на восемь миллиардов долларов.

На столе бесшумно завибрировал защищенный терминал. Радар зафиксировал приближение скоростного катера со стороны закрытого ведомственного сектора дамбы. Никаких опознавательных сигналов.

Через семь минут на внешней палубе послышался глухой стук швартовочных кранцев, шипение пневматических трапов и тяжелые, размеренные шаги по тиковому настилу. Охрана яхты не шелухнулась: у них был категорический приказ начальника безопасности — не вмешиваться.

Дверь каюты скользнула в паз. В помещение вошел Кирилл Воронцов.

Воронцов не снимал длинного графитового пальто из плотной английской шерсти. На его плечах блестели капли дождя. Он вошел без спешки, без показной угрозы, но воздух в каюте словно сжался под давлением чужой гравитации. Лицо — застывшая маска из резких теней; серые, обесцвеченные глаза смотрели на Раевского без злорадства и без жалости. Так смотрят хирурги перед тем, как сделать первый надрез на живой ткани.

— Ветер усиливается, Олег Константинович, — негромко произнес Воронцов. Голос звучал ровно, с тем низким тембром, который заставлял замолкать полные залы совета директоров. — Через сорок минут залив закроют для навигации.

Раевский медленно повернул голову. Его взгляд, некогда державший в страхе половину арбитражных судов страны, был затуманен болью, но мысль оставалась кристально ясной.

— Ты пунктуален, Кирилл. Как всегда, когда пахнет чужой кровью.

— Я пунктуален, когда речь идет о контракте. — Воронцов подошел к столу, снял кожаные перчатки и бросил их на полированное дерево. Из внутреннего кармана пальто он извлек тонкую папку из тисненой черной кожи. — Дефолтные свопы выкуплены через три сингапурские прокладки. Претензия на сорок миллиардов зарегистрирована. Совет директоров уведомлен о созыве экстренного заседания. Механизм поглощения запущен. Назад дороги нет.

Раевский тяжело, хрипло выдохнул. Сердечная мышца отозвалась тупым спазмом за грудиной.

— Ты будешь рвать компанию в клочья. Жестко. С судами, спецназом, блокировкой счетов. Так, чтобы ни у кого на Старой площади или в Лондоне не возникло сомнений, что это настоящая корпоративная бойня.

— Иначе они не поверят, — холодно парировал Воронцов, глядя в темноту за стеклом. — Если Москва почувствует договорной матч, они сметут нас обоих за сутки до закрытия реестра. Смирнов уже зарядил управление «К». Ваши счета на Кипре арестуют к полудню. Единственный способ спасти логистический узел — это сделать вид, что фонд «Aeterna» отбирает его у вас силой. Без пощады к наследникам.

Старик слабо усмехнулся. Рука с кулоном дрогнула.

— Агница... Она уже летит?

— Рейс из Хитроу через три часа. Нотариус сделает звонок в три ночи, как мы договаривались. — В глазах Воронцова на долю секунды мелькнуло что-то жесткое, похожее на стальной отблеск клинка. — Она возненавидит меня, Олег Константинович. Возненавидит так, как ненавидят палачей.

— Знаю, — прошептал Раевский, закрывая глаза. — И это спасет ей жизнь. Гордость заставит ее драться. Логика удержит от истерики. А твой холодный расчет не позволит смирновским шакалам подойти к ней на пушечный выстрел. Она должна считать тебя своим главным врагом, Кирилл. До самого конца. Пока ты не вскрыешь второй конверт.

Воронцов молчал. Он стоял неподвижно, заложив руки в карманы, и смотрел на угасающего титана отечественного бизнеса. В этом молчании не было цинизма. Был древний, почти первобытный кодекс признания равного.

— Ты поклялся мне, Кирилл, — голос Раевского стал едва слышным шелестом, дыхание перехватило. — Не трогать ее личный суверенитет. Не ломать. Защитить. Любой ценой.

Воронцов наклонился к столу, забрал подписанные Раевским передаточные бланки и на секунду задержал пальцы на иссохшей кисти старика.

— Она останется жива, Олег Константинович. И империя останется за ней. Даже если ради этого мне придется сжечь весь этот город. Слово офицера.

Раевский слабо кивнул. Его пальцы разжались. Серебряный кулон со звоном упал на хрустальный бокал, заставив виски расплескаться по полированной столешнице.

Дыхание старика прервалось. Глаза застыли, отражая холодную пустоту черного балтийского неба.

Кирилл Воронцов стоял в тишине ровно шестьдесят секунд. Затем вынул из кармана защищенный спутниковый телефон, набрал короткий номер и, не оборачиваясь на мертвое тело, произнес в трубку всего три слова:

— Объект пуст. Начинайте.

Глава 1. Юрисдикция Лондона

С тридцать четвертого этажа башни на Бишопсгейт октябрьский Лондон казался вычерченным тушью по мокрому серому шелку.

Дождь смывал очертания Сити. Темная лента Темзы у Тауэрского моста блестела свинцом, разрезаемая низкими баржами, а внизу, между гранитными фасадами банковских домов и стеклянными куполами страховых синдикатов, текли бесконечные цепочки черных кэбов. Здесь, на вершине, царила разреженная, почти стерильная тишина. Ее нарушал только негромкий, мерный гул системы климат-контроля и шелест верже — плотной, трехсотграммовой бумаги с гербовым тиснением юридической фирмы *Kingsley & Ward*.

За семиметровым столом из беленого дуба сидели девять человек. Восемь мужчин и одна женщина.

Агница Раевская сидела во главе стола спиной к панорамному остеклению. Ее поза была безупречно прямой — та выверенная, балетная осанка, которую в детстве вколачивали частные преподаватели на даче в Комарово и которую окончательно зацементировали годы гребли в Оксфорде. На ней был графитовый двубортный костюм от The Row из камвольной шерсти холодного кручения — матовый, лишенный малейших декоративных деталей, с широкими лацканами, закрывавшими шелковую блузу оттенка мела. Никаких украшений, кроме винтажных часов Cartier Tank 1970-х годов на узком ремешке из черного матового аллигатора. Корпус из полированного желтого золота отмерял секунды с безжалостной швейцарской педантичностью.

Перед ней лежали три перьевые авторучки, закрытый ноутбук в титановом корпусе и аккуратная стопка документов, скрепленных тяжелыми стальными зажимами. Ни чашки кофе, ни стакана воды. Агница никогда не оставляла на столе следов своего присутствия дольше, чем того требовал протокол.

Напротив сидели юристы средиземноморского шиппингового холдинга *Vassilakis Marine*. Их возглавлял сэр Джулиан Торн — королевский адвокат с лицом уставшего бульдога и полувековым опытом судебных баталий в Коммерческом суде Лондона. Торн выглядел как человек, привыкший ломать оппонентов одним движением брови: платиновые запонки, манжеты рубашки Turnbull & Asser, выверенная театральная снисходительность во взгляде.

Но за последние четыре часа эта снисходительность осыпалась, как сухая штукатурка.

— Мисс Раевская, вы требуете беспрецедентного шага, — голос сэра Джулиана звучал хриловато, но сохранял бархатистую интонацию завсегдатая закрытых клубов Сент-Джеймса. — Арест шести нефтеналивных танкеров типа «Афрамекс» в акватории Роттердама парализует исполнение долгосрочных тайм-чартерных контрактов. Это убытки порядка трехсот тысяч долларов в сутки. Наш клиент не допустил прямого нарушения графика платежей. Задержка в перечислении транша вызвана техническим сбоем в банке-корреспонденте в Никосии. Судебный приказ Марева в данном случае — чрезмерная, несоразмерная мера. Высокий суд не утвердит всемирную заморозку активов на основании сомнительных косвенных улики.

Агница слушала его, не перебивая. Ее лицо оставалось неподвижным. Светлые, цвета балтийского песка волосы были собраны в идеальный гладкий узел на затылке. Тонкие черты лица, высокие скулы и холодные серо-стальные глаза создавали впечатление дистанции, которую невозможно преодолеть физически. В юридических кругах Сити за ней уже три года держалась репутация «хирурга без наркоза»: она брала дела, где цена вопроса начиналась от ста миллионов фунтов, и вела их с абсолютным пренебрежением к сантиментам.

Когда Торн замолчал, в переговорной повисла вязкая пауза. Слышно было, как за стеклом капли дождя с сухим треском разбиваются о триплекс.

Агница положила тонкие пальцы на край папки. Ни одного лишнего движения.

— Сэр Джулиан, вы прекрасно знаете прецедент *Fourie v Le Roux* от две тысячи седьмого года, — произнесла она. Голос Агницы был негромким, поставленным, с безупречным оксфордским произношением (Received Pronunciation), в котором едва угадывался стальной, жесткий славянский подтекст. — Чтобы суд выдал приказ о заморозке активов по статье сорок четвертой Закона об арбитраже девятисто шестого года, нам не нужно доказывать факт вывода средств постфактум. Достаточно обоснованного риска рассеивания активов.

Она открыла верхний документ и развернула его к адвокатам *Vassilakis Marine*.

— Это выписка из судового реестра Либерии за вчерашнее число, двадцать два часа тридцать минут по Гринвичу. Пока ваши юристы готовили меморандум о «техническом сбое» на Кипре, капитан головного танкера *Atlas Spirit* получил распоряжение отключить транспондеры автоматической идентификационной системы (АИС) при выходе из территориальных вод Нидерландов.

Один из греческих представителей за столом дернулся, переглянувшись с коллегой. Агница даже не посмотрела на него. Ее взгляд был прикован к сэру Джулиану.

— Более того, — продолжила она ровно, — через тридцать минут после этого приказа оператор судна сменил компанию технического менеджмента на дубайскую структуру-пустышку, учрежденную четыре дня назад. Бенефициар траста в Панаме, контролирующего эти суда, сегодня утром подписал безотзывную доверенность на передачу прав залога сингапурскому фонду. Ваша цель — увести флот в нейтральные воды, перегрузить нефть способом ship-to-ship и объявить оператора банкротом до первого слушания в LCIA.

Сэр Джулиан сжал губы. Пятна румянца на его щеках потемнели.

— Откуда у вас эти документы, мисс Раевская? Судовой журнал и внутренние приказы судовладельца охраняются адвокатской тайной.

— Мы не в уголовном процессе, Джулиан, — холодно отозвалась Агница, впервые опустив официальный титул оппонента. — Мы в процессе спасения ликвидности моего клиента. Если через двадцать минут на моем планшете не будет безотзывного аккредитива первого класса от банка *Barclays* на сумму сто восемьдесят миллионов долларов и подтверждения депонирования акций судовладельца у эскроу-агента, дежурный судья Коммерческого суда на Роллс-билдинг подпишет всемирный приказ о заморозке. К полуночи береговая охрана Роттердама и британский флотский маршал заблокируют все шесть бортов. И тогда ваши судовладельцы заплатят не триста тысяч в день, а сядут в тюрьму за неуважение к суду Королевской скамьи.

Она сделала паузу, длившуюся ровно пять ударов сердца.

— У вас осталось восемнадцать минут. Чернила в моей ручке не высохнут, сэр Джулиан. Но ваш клиент после полуночи перестанет существовать на мировом страховом рынке *Lloyd's*.

Торн медленно перевел взгляд с выписки на греческих доверителей. Их старший представитель, пятидесятилетний судовладелец в помятом галстуке, нервно провел ладонью по лысине и еле заметно, обреченно кивнул.

— Десять минут на согласование текста мирового соглашения, — глухо сказал Торн, бросая ручку на стол. — Мы принимаем условия эскроу.

Агница едва заметно наклонила голову:

— Текст готов. Приложение «Б», страницы сорок два — сорок восемь. Подписывайте, господа. Мой секретарь уже заказал нотариальное заверение.

Спустя сорок минут коридоры лондонского офиса *Kingsley & Ward* погрузились в вечерний полумрак.

Эдвард Кингсли, старший управляющий партнер фирмы — грузный шестидесятилетний шотландец с седой львиной гривой и вечной трубкой в кармане твидового жилета — стоял в дверях кабинета Агницы, опираясь на массивный дубовый косяк. В руке он держал хрустальный бокал с двадцатилетним односолодовым виски.

— Это было жестоко, Агница, — произнес он с легким шотландским акцентом, шурясь сквозь дымчатые стекла очков. — Джулиан Торн не проигрывал обеспечений по морским спорам последние двенадцать лет. Ты разделала его команду за четыре часа, даже не повысив голос. Партнеры в восторге. Мы открываем шампанское в библиотеке на тридцать втором. Идем. Этот гонорар закрывает годовой план практики трансграничных споров.

Агница стояла у высокого окна кабинета, надевая длинное графитовое пальто из кашемира двойного плетения от *Max Mara Atelier*. Ее отражение в черном стекле казалось выточенным из кварца.

— Спасибо, Эдвард. Но я пас. — Она застегнула пояс, затянув его чуть туже, чем требовалось, и подхватила с кожаного кресла тяжелую сумку *The Row Margaux* из матовой зернистой кожи оттенка мокрого асфальта. — Мне нужно закончить меморандум для сингапурского арбитража до полуночи.

Кингсли вздохнул, покачав головой.

— Тебе двадцать девять лет, Агница. Ты самый молодой старший партнер в истории нашей практики. Ты только что заставила крупнейший средиземноморский флот лечь на брюхо. Люди в твоём возрасте празднуют такие победы до утра в «Мэйфэрском клубе» или летят на выходные в Сен-Тропе. А ты запираешься в своем стеклянном склепе в Мэрилебон с финансовыми отчетами.

— Именно поэтому я сижу в этом кабинете, Эдвард, а не ношу папки за Торном, — спокойно ответила она, заглянув ему в глаза. В ее взгляде не было заносчивости — лишь сухой, беспощадный факт.

Шотландец покачал головой с едва заметной отеческой грустью:

— Ты слишком похожа на отца, девочка моя. Тот же взгляд, та же способность замораживать комнату одним присутствием. Только Олег строил порты и ломал людей через колено в девяностые на Балтике, а ты делаешь то же самое на английском праве. Береги себя. Лед имеет свойство трескаться, когда температура падает слишком низко.

При упоминании отца челюсти Агницы едва заметно сжались. Мускул на щеке дрогнул, но лицо осталось неподвижным.

— Спокойной ночи, Эдвард.

— Доброй ночи, Агница.

Она вышла из здания на залитый дождем тротуар. Водитель служебного представительского седана потянулся открыть дверь, но Агница жестом остановила его:

— Я пройду, Томас. Дождь почти стих.

Она любила Лондон именно за этот влажный, отстраненный холод. Здесь никто никого не знал. Здесь никому не было дела до того, чья ты дочь. В этой гранитно-стеклянной финансовой столице мира ее фамилия значила ровно столько, сколько стоила ее последняя победа в суде.

Пять лет назад, собрав вещи за сорок минут после жесточайшего скандала в петербургском особняке отца, она поклялась себе, что никогда больше не будет зависеть от воли Олега Раевского. Он хотел видеть в ней удобную фасадную наследницу — послушную куклу с дипломом юрфака СПбГУ, которую можно выгодно выдать замуж за сына влиятельного генерала или вице-премьера ради укрепления логистической монополии.

«Ты никто без моего имени, Агния, — гремел его низкий, прокуренный бас в кабинете на Каменном острове, пока за окнами шумели реликтовые сосны. — Твои оксфордские книжки хороши для светских раутов. А в реальном мире решения принимают те, кто контролирует швартовку и вентили. Ты сломаешься через месяц и приползешь просить бюджет на салон красоты».

Она не приползла.

Она сдала квалификационные экзамены в Лондоне, прошла адский отбор в *Kingsley & Ward*, спала по четыре часа в сутки на диване в архиве и выгрызла партнерство зубами. Без единого цента с его офшорных счетов. Без единого звонка нужным людям.

Три года они не разговаривали. Только сухие поздравительные открытки от его секретариата на Рождество, которые она отправляла в шредер не вскрывая.

Пентхаус в георгианском таунхаусе на Мэрилебон встретил ее запахом сухого кедра, дорогой бумаги и тишиной.

Здесь не было ни единой случайной вещи. Пол из выбеленного дуба «елочкой», высокие потолки с отреставрированной, строгой викторианской лепниной, стены цвета слоновой кости. Мебель — лаконичные кресла Пьера Жаннере из тика и тростника, журнальный стол из цельного куска полированного вулканического базальта. Вдоль всей торцевой стены тянулись открытые стеллажи: сотни томов *The Law Reports*, монографии по арбитражному праву, подшивки *Financial Times* и каталоги аукционов современного искусства.

Ни одной семейной фотографии. Ни одного сувенира. Квартира человека, готового сняться с места за пятнадцать минут.

Агница сняла туфли, бросила ключи в бронзовую чашу работы японского скульптора и прошла на кухню. Налив в стеклянный стакан фильтрованной воды, она сделала несколько медленных глотков, глядя в темное окно. В стекле отражалась тонкая женская фигура с растрепавшимися от влажного воздуха прядями светлых волос.

В глубине души пульсировала глухая, ноющая пустота.

Победа над сэром Джулианом не принесла триумфа. Она принесла лишь временное освобождение от адреналина. Так действовал наркоз: когда действие препарата заканчивалось, оставалось лишь ощущение абсолютной, хирургической изоляции. Она была одна. В огромном чужом городе, в чужой правовой системе, среди чужих людей, готовых перерезать ей горло ради строчки в рейтинге *Chambers & Partners*.

Она заставила себя сесть за рабочий стол, открыла титановый ноутбук и погрузилась в сверку ковенантов по новому кредитному соглашению сингапурского холдинга. Цифры, параграфы, формулировки арбитражных оговорок. Это был ее щит. Ее крепость, в которую не мог проникнуть ни один живой человек.

Время перевалило за полночь. Стрелки Cartier показывали 02:18 по лондонскому времени. В Петербурге было уже начало шестого утра.

В тишине квартиры раздался резкий, дребезжащий звук.

Вибрировал не рабочий iPhone, лежавший рядом с клавиатурой. Звук шел из нижнего ящика стола.

Агница замерла. Ее пальцы застыли над клавишами.

В нижнем ящике лежал защищенный терминал спутниковой связи с аппаратным шифрованием — закрытый канал, номер которого знали ровно три человека в мире. Она не прикасалась к нему полтора года.

Аппарат вибрировал с монотонной, пугающей настойчивостью.

Агница медленно выдвинула ящик. На черном матовом экране горела единственная надпись: **INCOMING CALL: SHESTAKOV / SECURE LINE.**

Михаил Шестаков. Главный семейный нотариус и бессменный держатель закрытых реестров Олега Раевского последние четверть века. Человек, знавший о структуре активов ее отца больше, чем налоговые органы пяти стран вместе взятые.

Она нажала кнопку приема и поднесла трубку к уху. Ни «алло», ни приветствия. Только ровный вдох.

— Агния Олеговна? — Голос нотариуса звучал надтреснуто. В нем не было привычной адвокатской вальяжности; в динамике слышался свист балтийского ветра, шум тяжелых моторов и прерывистое, сбивчивое дыхание пожилого человека, находящегося в состоянии пре-

дельного шока. — Слава богу, вы на связи. Простите за время. У меня нет времени на предисловия.

— Что произошло, Михаил Андреевич? — спросила она. Голос прозвучал хладнокровно, но внутри, за ребрами, что-то сжалось в ледяной ком. — Отец снова переписывает уставные доли? Если это очередная попытка заставить меня вернуться в холдинг через лишение наследства...

— Олег Константинович мертв, Агния.

Слова упали в пустоту комнаты, как свинцовые пули.

Агница не пошевелилась. Ее взгляд замер на корешке старинного кодекса законов Российской империи, стоявшего на полке.

— Повторите.

— Час назад. Экспедиционная яхта «Полярная звезда», четырнадцать миль от Котлина, — торопливо, сглатывая звуки, заговорил Шестаков. — Официальное заключение береговой службы и медиков — острая сердечная недостаточность. Обширный инфаркт. Тело уже доставлено в ведомственный морг на Фонтанке.

Воздух в легких Агницы словно застыл. Сердце сделало один тяжелый, глухой удар и забилося с утроенной частотой, отдаваясь звоном в висках. Отец. Непобедимый, железный Раевский, переживший бандитские пули девяностых, покушения конкурентов, проверки Генпрокуратуры и государственные комиссии. Человек, который казался ей вечной, непреодолимой стихией, разрушавшей все на своем пути.

Мертв.

— Он не жаловался на сердце, — механически произнесла она. Ее аналитический ум юриста включился быстрее, чем эмоциональный аппарат успел осознать масштабы утраты. — У него было личное кардиологическое отделение в Швейцарии. Он проходил чекап каждые шесть месяцев.

— Это не всё, Агния. Слушайте меня очень внимательно, у меня защищенный борт, но эфир могут заглушить в любую секунду, — голос Шестакова сорвался на свистящий шепот. — За три с половиной часа до выхода в залив Олег Константинович вызвал меня в закрытый архив на Английской набережной. Он собственноручно подписал распоряжение о блокировке всех резервных расчетных счетов холдинга «Северный Транзит». Все валютные корсчета в Швейцарии и Эмиратах переведены в режим заморозки до момента открытия наследственного дела.

— Зачем? Это парализует операционную деятельность портовых терминалов. Начнутся дефолты по контрактам...

— Он знал, что делает! — перебил Шестаков. — Он готовился к удару. И этот удар уже нанесен. Пять минут назад мне поступило официальное уведомление. Фонд специальных ситуаций «Aeterna Capital» предъявил к досрочному погашению синдицированный долг холдинга на сорок миллиардов рублей. Они выкупили просроченные кредитные дефолтные свопы через азиатские площадки.

Агница медленно поднялась со стула. Сонливость и усталость испарились без следа.

— Сорок миллиардов? Кто санкционировал выпуск этих свопов? Совет директоров не имел права...

— Это враждебное поглощение высочайшего уровня, Агния. Классический институциональный рейдерский захват через кризис ликвидности. К центральному офису на Английской набережной прямо сейчас подъехали микроавтобусы без номеров. Там частная охрана фонда и арбитражные управляющие. Они опечатавают серверные. Они пришли забирать империю вашего отца.

— Кто стоит за «Aeterna Capital»? — резко спросила она.

В трубке повисла тяжелая пауза. Слышно было, как Шестаков тяжело перевел дыхание.

— Кирилл Воронцов.

Имя прозвучало как щелчок взводимого курка.

Агница знала это имя. В закрытых финансовых меморандумах Лондона о Воронцове говорили шепотом. Выпускник Академии внешней разведки, экс-куратор экономических исследований по особо важным делам, ушедший в частный сектор и создавший фонд, специализирующийся на «токсичных» и кризисных активах. Человек-призрак. Институциональный хищник, действовавший на стыке высших государственных кабинетов и безжалостного финансового права. Если Воронцов входил в компанию, от прежних владельцев не оставалось даже фамилий на надгробных плитах.

— Воронцов не мог действовать вслепую, — процедила Агница. Ее голос звенел от ледяного напряжения. — Отец не допустил бы кассового разрыва такого масштаба.

— Я не знаю всех деталей, Агния Олеговна! — в отчаянии выдохнул нотариус. — Но у меня лежит закрытый пакет, переданный Олегом Константиновичем перед выходом в море. Он приказал передать его лично вам в руки. Только вам. И еще... начальник его личной охраны нашел на теле отца кулон. Ваш детский кулон. Внутри — чип. На нем файл с именем Воронцова.

В коридоре за окном таунхауса послышался далекий вой полицейской сирены.

— Сколько у нас времени до запуска процедуры наблюдения и смены генерального директора? — спросила Агница. Ее тон изменился. Это больше не была растерянная дочь. Это был старший партнер *Kingsley & Ward*, оценивающий масштаб процессуальной катастрофы.

— Семьдесят два часа. Ровно трое суток. Если через семьдесят два часа в Арбитражном суде Петербурга не появится законный представитель наследственной массы с правом блокирующей подписи, Воронцов введет временную администрацию. И «Северный Транзит» перестанет существовать как семейный бизнес. Они разорвут его на терминалы и передадут под контроль государственного консорциума.

— Кто сейчас имеет доступ к реестру?

— Только я. Но на меня давят силовики. Мне уже звонили из Следственного комитета. Агния... вам нельзя здесь появляться. Если Воронцов начал эту партию, он не остановится ни перед чем. Вас могут задержать прямо в аэропорту. По сфабрикованному делу, по налоговым претензиям семилетней давности...

— Замолчите, Михаил Андреевич, — оборвала она его жестко и хлестко. — Переведите сервер реестра в режим автономного шифрования. Запритесь в нотариальной конторе и не подписывайте ни единого передаточного акта без моей личной подписи. Если к вам придут с ордером — требуйте присутствия представителя Нотариальной палаты и фиксируйте каждое процессуальное нарушение.

— Агния...

— Я вылетаю первым утренним рейсом. Буду в Пулково в одиннадцать утра. Встретьте меня лично. С оригиналом завещания и отцовским кулоном.

Она нажала кнопку отбоя, не дожидаясь ответа.

Тишина снова накрыла пентхаус. Но теперь эта тишина была наэлектризована смертельной опасностью.

Агница стояла посреди темной комнаты. Ее дыхание было ровным, но в глазах застыла холодная, хищная ярость. Отец мертв. Человек, с которым она воевала всю свою сознательную жизнь, ушел, оставив за собой пепелище и войну, в которую втянул ее даже из могилы.

Но отдать его империю — порт, флот, активы, создававшиеся десятилетиями — государственному рейдеру с погонами под дорогим костюмом?

Никогда.

Она подошла к гардеробной, достала дорожный саквояж из черной кожи. Движения были быстрыми, точными, механическими.

Туда легли: ноутбук с криптографическими ключами, два смартфона без геолокации, папка с чистыми бланками доверенностей по английскому праву, британский паспорт и темно-красный паспорт гражданки Российской Федерации. Тяжелая перьевая ручка Montblanc. Смена белья. Ничего лишнего.

Она взглянула на себя в зеркало. Бледное лицо, темные тени под глазами, губы, сжатые в тонкую полосу.

Юрисдикция Лондона закончилась. Начиналась территория выживания.

Она открыла приложение авиакомпании на телефоне, забронировала билет первого класса на утренний рейс British Airways до Стамбула с немедленной пересадкой на Петербург, захлопнула саквояж и погасила свет в квартире.

За панорамными окнами пентхауса над Сити поднимался мутный, свинцовый рассвет.

Глава 2. Гранит и цинк

Балтийский циклон опустился на Петербург свинцовым, давящим куполом.

Самолет из Стамбула заходил на посадку вслепую, пробивая три слоя рваных, набрякших мокрым снегом облаков. Шасси коснулись бетонных плит полосы Пулково с глухим, вибрирующим ударом, отдавшимся в висках; реверс взревел, вздымая за иллюминатором стену белесой ледяной крупы.

Агница Раевская сидела в кресле первого ряда бизнес-класса, глядя в иллюминатор невидящим, остекленевшим взглядом. Она не спала тридцать два часа. Но в ее теле не было тяжелой, парализующей усталости — только звенящее, сухое напряжение натянутой до предела струны. В таком состоянии сенсорные рецепторы работают на максимуме: запахи становятся острее, звуки — объемнее, а логика отсекает любые эмоции, как отмирающие ткани.

В VIP-рукаве ее встречал Шестаков. За те сутки, что прошли с момента их ночного звонка, семейный нотариус словно потерял в весе несколько килограммов. Воротник его темно-синего пальто из кашемира Logo Piana был поднят, на переносице поблескивали запотевшие стекла очков в тонкой титановой оправе, а пальцы, сжимавшие ручку кожаного портфеля Valextra, заметно подрагивали.

— Машина у закрытого пандуса, Агния Олеговна, — проговорил он вместо приветствия. Шестаков знал ее с десяти лет, но за последние пять лет лондонской практики привык соблюдать ту жесткую дистанцию, которую она выстроила между собой и прежним петербургским окружением. — Багаж заберет мой помощник. Нам нужно спешить. Отпевание в соборе Лавры началось в десять. Гроб уже готовят к выносу на Никольское кладбище.

— Кто распоряжался похоронами? — спросила она. Ее шаги по зеркальному граниту терминала звучали четко и быстро.

— Элеонора, — Шестаков скривился, словно от зубной боли. — Ваша мачеха пригласила всех, кого только можно было аккредитовать. Телеканалы, зампреды городского правительства, комитет по транспорту, портовое начальство. Пышность почти государственная. Она считает, что публичность спасет ее от кредиторов.

— Публичность на похоронах привлекает только мародеров, Михаил Андреевич, — бросила Агница.

У служебного выхода их ждал тяжелый бронированный седан Audi A8L из бывшего гаража отца. Водитель, пожилой ветеран корпоративного гаража, молча распахнул заднюю дверь. Как только двойное стекло с тихим шипением пневматики отсекло вой балтийского ветра, в салоне воцарилась стерильная, глухая тишина, пахнувшая кондиционированным воздухом и дорогой кожей Нарра.

Шестаков щелкнул замками портфеля и вынул папку из плотной кремовой бумаги.

— Это закрытая выписка из Национального расчетного депозитария. Ее сформировали сегодня в четыре утра по экстренному запросу фонда «Aeterna Capital». — Нотариус придвинул документ к Агнице. — Они не стали ждать девяти дней, Агния. Воронцов уведомил держателей облигаций и синдикат кредиторов о наступлении триггерного события. Пункт четырнадцать точка три кредитного соглашения: утрата основателем фактического контроля над холдингом.

Агница пробежала глазами по сухим строкам финансового ультиматума.

— Сорок миллиардов основного долга. Шесть миллиардов штрафных пеней и процентов за нарушение ковенанта. Срок удовлетворения требований — сегодня до семнадцати ноль-ноль. — Она подняла глаза на нотариуса. В ее серо-стальных зрачках не было паники. Был расчет. — Как отец допустил включение такого пункта в синдицированный заем? Это же клас-

сическая долговая удавка. Если ключевое лицо погибает — компания автоматически валится в конкурсное производство.

Шестаков снял очки и устало потер переносицу:

— Десять месяцев назад Олегу Константиновичу срочно требовались свободные средства на завершение строительства третьей очереди СПГ-терминала в Усть-Луге. Европейские банки из-за санкционного давления отказались открывать прямые кредитные линии. И тогда на горизонте появился Воронцов со своим фондом специальных ситуаций. Он предложил синдикат из гонконгских и эмиратских инвесторов. Деньги дали под невероятно низкий процент, но с одним условием — безоговорочное обеспечение через кредитные дефолтные свопы и личное поручительство отца с тем самым пунктом о смене контроля.

— И отец подписал это? Не глядя?

— Он подписал это лично. В моем присутствии. Когда я попытался указать ему на риск рейдерского захвата при малейшем сбое здоровья, он посмотрел на меня так, как умел смотреть только он. И сказал: *«Миша, если на тебя идет волна в девять баллов, ты либо тонешь у причала, либо разворачиваешь нос прямо на нее. Чтобы тигр не разорвал тебя в клетке, нужно самому открыть дверцу и войти к нему с хлыстом»*.

— Красивая метафора, — холодно отозвалась Агница, возвращая документ в папку. — Только в роли хлыста у него, видимо, была надежда на собственное бессмертие. А тигр оказался быстрее.

Машина неслась по забитому Московскому проспекту, рассекая серую жижу под колесами. За окном мелькали имперские сталинские фасады, гранитные монументы и рекламные щиты, подернутые пленкой влажной копоты. Агница смотрела на город, от которого бежала пять лет назад. Петербург не изменился. Он все так же вытягивал силы, навязывая правила жестокой, кулуарной игры, где закон всегда был лишь декорацией для демонстрации грубой силы.

Она опустила руку в карман своего кашемирового пальто The Row и нащупала телефон. Ни одного входящего сообщения от партнеров из Лондона. Эдвард Кингсли держал паузу, давая ей возможность разобраться с наследством. Но Агница понимала: если к завтрашнему утру она не вернет контроль над ситуацией, ее партнерство в Сити станет формальностью. Лондонский совет директоров не потерпит старшего партнера, чье имя полощут в хрониках криминального банкротства на востоке Европы.

Алекسانдро-Невская лавра встретила их низким, тягучим колокольным звоном.

Тяжелые удары погребального колокола тонули в сыром воздухе, разносясь над мутными водами Черной речки и реки Монастырки. Вся набережная перед Свято-Троицким собором была заблокирована черными представительскими седанами и тяжелыми внедорожниками. Водители в черных куртках сбивались в кучки у капотов, дымя сигаретами; вокруг периметра дежурили наряды полиции в парадной форме и сотрудники частных охранных предприятий с жесткими, сканирующими взглядами.

Шестаков помог Агнице выйти из машины, раскрыв над ней массивный купол черного зонта.

Мокрый снег тут же ударил в лицо, заставив кожу стянуться от холода. Агница поправила воротник, глубже надвинула шелковый шейный платок и выпрямила спину. Каждый мускул ее тела был мобилизован.

Они вошли через чугунные ворота Никольского кладбища.

Здесь, среди вековых лип с оголенными черными ветвями и дореволюционных склепов из потемневшего от времени гранита, стояла плотная толпа. Не менее полутора сотен человек. Воздух был пропитан тяжелой смесью: запахом церковного ладана, мокрой еловой хвои, которой устилали дорожку к могиле, увядающих белых роз и выхлопных газов работающих на холостом ходу двигателей за оградой.

Похоронная процессия как раз подошла к разрытой семейной усыпальнице Раевских.

Шестеро мужчин в форменных черных шинелях несли на плечах массивный дубовый гроб, покрытый полированным рояльным лаком. Внутри дерева глухо поблескивала полоса цинкового вкладыша — тело Олега Раевского после вскрытия в ведомственном судебно-медицинском морге на Фонтанке запаяли наглухо, официально сославшись на необходимость соблюдения санитарных норм при транспортировке с борта морского судна.

Когда каблуки Агницы зашуршали по мокрому гранитному отсеку центральной аллеи, по рядам присутствующих прошел отчетливый, сдавленный ропот.

Люди начали медленно расступаться, освобождая ей проход. В этих взглядах не было сочувствия. В них читалось жадное, бесстыдное любопытство элиты, собравшейся посмотреть на агонию некогда всесильного клана.

Вице-губернаторы, чиновники федерального агентства морского транспорта, генералы таможенной службы, топ-менеджеры конкурирующих стивидорных компаний — все они знали Агницу еще девочкой, которую отец приводил на приемы в Юсуповский дворец. Но сейчас перед ними шла не растерянная сирота. Перед ними шла взрослая, смертельно опасная женщина с лицом мраморной статуи и глазами цвета арктического тороса.

У самого края могилы стояла Элеонора. Вдове было едва за сорок. Ее лицо, натянутое серией дорогостоящих швейцарских подтяжек, опухло от тщательно срежиссированных слез. На ней была траурная вуаль от Филиппа Трейси, соболиное пальто в пол и кружевные перчатки, в которых она сжимала батистовый платок. Вокруг нее стояло плотное облако удушливого парфюма *Baccarat Rouge 540*, смешивавшегося с сыростью разрытой глины.

Рядом с ней переминались члены правления «Северного Транзита». Первый вице-президент Казанцев и финансовый директор Громов выглядели так, будто стояли у расстрельной стенки.

Заметив Агницу, Элеонора театрально вскрикнула и сделала шаг навстречу, раскинув руки:

— Агния!.. Боже мой, девочка моя... Какое горе, какой кошмар!.. Сердце... Он просто не выдержал этих проверок...

Она попыталась прижаться к плечу падчерицы, распространяя волну шафрана и жженого сахара, но Агница сделала едва заметное полудвижение корпусом назад. Ее рука в перчатке легла на предплечье мачехи — не для объятия, а жестким, фиксирующим захватом, останавливающим движение.

— Опустите руки, Элеонора, — произнесла Агница.

Голос прозвучал негромко, без истерических верхов, но с такой режущей, абсолютной властью, что вдова осеклась на полувздохе, судорожно сглотнув слезы.

— Нам звонили из Москвы... — зашептала Элеонора, нервно оглядываясь на чиновников. — Счета заблокированы. Следователи приходили на дачу в Репино, опечатали сейф в кабинете. Агния, юристы говорят, нужно срочно подписать согласие на продажу долей фонду Воронцова! Они предлагают закрыть все долги и оставить нам отступные... Пятьдесят миллионов евро на траст в Лихтенштейне. Если мы откажемся, нас разденут догола!

— Помолчите, — оборвала ее Агница, не отпуская ее руки. Ее серые глаза пригвоздили мачеху к месту. — Вы получите ровно то, что положено по брачному контракту вашей категории: дом в Испании и пожизненный аннуитет. Если вы еще раз откроете рот о продаже акций холдинга посторонним лицам до оглашения завещания, я лично инициирую проверку законности перевода тех тринадцати миллионов долларов, которые ушли с вашего счета в Монако за три дня до смерти отца. Вы меня поняли?

Лицо Элеоноры мгновенно побелело, смывая остатки показной скорби. Она медленно отступила на шаг назад, вжимая голову в соболиный воротник.

Агница отвернулась от нее. Подошла к краю могилы.

Гроб опустили на широкие брезентовые стропы. Запах сырого цинка и лака стал невыносимо плотным. Она положила пальцы на холодное полированное дерево крышки.

Под этим дубом лежал человек, который ломал ее волю с самого детства. Который требовал абсолютного подчинения, презирал слабость и вычеркнул ее из жизни в ту секунду, когда она выбрала собственную карьеру вместо его имперских планов. Пять лет она копила в себе холодную обиду на его тиранию. Пять лет доказывала в залах лондонских судов, что способна выжить без его денег и его протекции.

И вот теперь он лежал здесь. Неподвижный, заколоченный в цинк, оставив ей в наследство сорок миллиардов долга, разорванный на части бизнес и свору шакалов, готовых разорвать ее на первом же повороте.

«Ты устроил это нарочно, — беззвучно сказала она, глядя на тяжелую древесину. — Ты знал, что я прилечу. Ты заставил меня вернуться на твое поле, отец. Но если ты думал, что я сдам твой порт этим мародерам — ты плохо меня выучил».

Внезапно за ее спиной стихли все разговоры.

Шепот чиновников, всхлипы вдовы, шуршание зонтов — все прекратилось в одно мгновение, словно кто-то повернул тумблер звука. На Никольское кладбище опустилась абсолютная, звенящая тишина. Даже шум колоколов собора показался далеким и глухим.

Воздух стал плотным, как перед ударом молнии.

Агница медленно выпрямилась, убрала руку с гроба и обернулась.

Толпа за ее спиной расступилась сама собой, образовав широкий коридор шириной в несколько метров. Люди жались к замшелым гранитным надгробиям, опуская глаза.

На противоположной стороне аллеи, у полуразрушенной кованой ограды склепа князей Юсуповых, стоял Кирилл Воронцов.

Один.

Без зонта, несмотря на мокрый снег, падавший тяжелыми хлопьями. Без свиты — хотя четыре тяжелых бронированных микроавтобуса с наглухо затонированными стеклами, замершие за кладбищенской стеной, выдавали присутствие целой группы оперативного прикрытия.

Воронцов стоял, заложив руки в глубокие карманы длинного антрацитового пальто из камвольной английской шерсти. Воротник был поднят, защищая шею от балтийского ветра. Мокрый снег оседал на его темных, коротко остриженных волосах и медленно таял, стекая прозрачными каплями по резким, точно высеченным из гранита скулам.

В его позе не было ни грамма траурного почтения. Не было и дешевого триумфатора, пришедшего на могилу поверженного врага.

Он стоял так, как стоят полевые командиры на занятой высоте: неподвижно, оценивающе, с абсолютным осознанием своей институциональной мощи. Под безупречно скроенным пальто угадывалась жесткая посадка плеч человека, прошедшего специальную подготовку; на лице застыла маска ледяного, хирургического спокойствия.

Их разделяло не больше пятнадцати метров. Пятнадцать метров мокрой глины, чужих фамильных склепов и тяжелого, удушливого запаха смерти.

Их взгляды встретились.

Это был первый прямой визуальный контакт. Без посредников, без телефонных трубок, без официальных меморандумов.

Серые, лишенные тепла глаза Воронцова впились в лицо Агницы. Он сканировал ее с точностью оптического прицела: отметил прямую линию плеч, идеальный узел светлых волос, сухие глаза без единого следа слез и пальцы, плотно сжатые в карманах. Он не пытался подавить ее взглядом — он проверял ее на прочность. Проверял, сломалась ли оксфордская отличница под грузом катастрофы, или внутри этой хрупкой женской фигуры действительно скрыт тот же негибимый стержень, что был у ее отца.

Агница не отвела глаз.

Внутри у нее все сжалось в тугой, раскаленный узел, но внешне ее лицо осталось маской абсолютного презрения. Она смотрела на человека, который за двенадцать часов до этого запустил процедуру ликвидации ее семьи. На государственного хищника, чья подпись стояла под ультиматумом о банкротстве.

Между ними вспыхнуло то особое, опасное напряжение, которое возникает только между равными умами. Это не была банальная ненависть жертвы к палачу. Это был сапиосексуальный клинч: признание смертоносного потенциала противника. Воронцов видел перед собой женщину, готовую биться насмерть за свой суверенитет; Агница видела мужчину, чей масштаб превосходил всех лондонских королевских адвокатов вместе взятых.

Воронцов медленно, едва заметно наклонил голову. Это не был жест вежливости или скорби. Это был протокольный поклон дуэлянта перед тем, как поднять шпагу.

Фиксация начала войны.

— Агния Олеговна, — раздался за ее правым плечом глухой, сиплый голос.

К ней неслышно подошел Сергей Багров. Начальник службы безопасности отца, ветеран контрразведки с перебитой переносицей и цепким, тяжелым взглядом из-под нависших бровей, встал так, чтобы широкой спиной перекрыть линию обзора со стороны Воронцова.

— Не смотрите на него, — тихо, одними губами проговорил Багров. — Здесь слишком много лишних ушей. Смирновские прислали трех наблюдателей, они стоят у колумбария. Ждут, когда начнется драка.

— Что Воронцов делает на похоронах, Сергей? — спросила Агница, не поворачивая головы.

— Демонстрирует флаг, — ответил безопасник. — Показывает Смольному и силовикам, что актив перешел в его разработку. Но я подошел не за этим. Возьмите. Быстро. Спрячьте в перчатку.

Багров сделал вид, что подает ей траурную еловую ветвь, но его огрубевшая ладонь переложила в руку Агницы тяжелый, ледяной предмет.

Пальцы обожгло металлом.

Это был массивный серебряный кулон на толстой якорной цепи. Ее детский оберег — старинный нательный медальон с гравировкой родового герба, который отец снял с нее перед отъездом в Англию. Металл хранил царапины: задняя крышка была грубо вскрыта и закручена обратно мелким часовым винтом.

— Я снял его с шеи Олега Константиновича на яхте, — прошептал Багров прямо в капюшон ее пальто. — До того, как каюту опечатали эксперты Следственного комитета. Внутри чип с криптозащитой. Ваш отец сжимал этот кулон в кулаке, когда умирал.

Сердце Агницы пропустило удар:

— Что там записано?

— Зашифрованный протокол личной встречи. Название архивного тома — «*VORONTSOV_ACQUISITION_19.10*». Дата совпадает с днем гибели отца. Никому не отдавайте его, Агния. Ни Шестакову, ни тем более Воронцову. Если этот чип попадет в руки прокуратуры — вас арестуют прямо на выходе из Лавры.

Агница крепко сжала кулон в кулаке. Острые грани серебра впились в ладонь сквозь тонкую кожу перчатки, возвращая ощущение ледяной, предельной концентрации.

Она резко повернула голову обратно к ограде юсуповского склепа.

Там уже никого не было.

Только мокрый гранит старинных плит, косые полосы падающего снега и темная фигура Воронцова, быстро удаляющаяся по боковой аллее к выходу на набережную.

Через полминуты из-за кирпичной монастырской стены донесся низкий, утробный рокот двенадцатицилиндрового двигателя бронированного Maybach. Машина плавно тронулась с места, взрезая колесами снежную кашу, и растворилась в бесконечном петербургском тумане.

Позади заскрипели брезентовые канаты. Гроб Олега Раевского с глухим, чавкающим звуком опустился в холодную балтийскую глину.

Первая горсть земли с сухим стуком ударила по крышке.

Агница не стала бросать ком земли. Она развернулась на каблуках и пошла к выходу, сжимая в кармане отцовский кулон.

Траур закончился. Завтра в десять утра на Английской набережной начнется война.

Глава 3. Овердрафт и ультиматум

В десять утра над Английской набережной стоял рассеянный свинцовый свет.

За трехметровыми арочными окнами зала заседаний тяжело дышала Нева. Ветер с Маркизовой лужи гнал по мутной воде рваные ледяные поля; они с глухим скрежетом терлись о гранитные спуски, мимо которых в сером мареве угадывались хищные контуры Адмиралтейских верфей.

Внутри исторического особняка Раевских, построенного еще при Александре I и пережившего три революции, царила стерильная, похоронная тишина. Ее нарушал лишь мерный стук секундной стрелки напольных часов Boulle из темного палисандра с бронзовыми накладками да неровное, сдавленное дыхание людей, сидевших за столом.

Семиметровый стол для переговоров, вырезанный из единого массива кавказского ореха, напоминал плацдарм перед началом артиллерийской подготовки.

Агница Раевская сидела во главе стола — в высоком вольтеровском кресле с тисненой темно-зеленой кожей, которое последние тридцать лет занимал ее отец.

Она не стала менять привычек. На ней был темно-синий брючный костюм от Toteme из тяжелого матового крепа, идеально державший архитектурную линию плеч. Белоснежный воротник сорочки был глухо застегнут под горло, скрывая ключицы. Волосы — собраны в гладкий узел на затылке с такой безупречной строгостью, что казались отлитыми из светлого янтаря. На левом запястье холодно поблескивал золотой корпус Cartier Tank на черном аллигаторе.

Перед ней лежали три предмета: закрытый титановый ноутбук, тяжелая перьевая ручка Montblanc с золотым пером и бархатный футляр, внутри которого покоился отцовский серебряный кулон, переданный вчера Багровым на Никольском кладбище.

По обе стороны стола сидели девять директоров правления ПАО «Северный Транзит».

Мужчины в костюмах Brioni и галстуках Hermès выглядели так, будто провели последние сорок восемь часов в подвале следственного изолятора. Первый вице-президент по стивидорным операциям Казанцев непрерывно промокал взмокшую шею шелковым платком, оставившим на белом воротничке серые следы. Главный финансовый директор Громов, человек с лицом цвета сухого гипса, нервно перебирал распечатки банковских проводок.

Справа от Агницы сидел нотариус Шестаков. Он не выпускал из рук кожаный портфель с гербовой печатью, то и дело поправляя сползающие очки в титановой оправе.

— Агния Олеговна, вы не понимаете масштаба катастрофы, — сиплым, сорванным шепотом заговорил Казанцев, бросив затравленный взгляд на бронзовые часы. Стрелки показывали 09:58. — До появления ликвидационной комиссии две минуты. ВТБ и Газпромбанк в восемь утра отказали в пролонгации внутридневных овердрафтов. Все расчетные счета холдинга в режиме стоп-листа. Нам нечем платить диспетчерским службам порта, нечем рассчитываться с буксирным флотом. Если через час мы не начнем погрузку танкеров на втором районе, судовладельцы выставят демередж. Это банкротство, Агния! Прямое, немедленное конкурсное производство!

— Выпейте воды, Виктор Сергеевич, — отозвалась Агница, даже не повернув к нему головы. Ее взгляд был прикован к закрытым дубовым дверям в противоположном конце зала. — Паника в совете директоров снижает капитализацию быстрее, чем отзыв банковской лицензии.

— Какая к черту капитализация?! — взорвался Громов, нервно стукнув костяшками по столу. — Воронцов скупил весь пул долговых расписок! Он держит шорт на сорок шесть миллиардов! Если мы сегодня до семнадцати ноль-ноль не подпишем план добровольной конвертации долга в акции, в Арбитражный суд уйдет заявление о признании холдинга несостоя-

тельным. Нас вышвырнут отсюда с волчьими билетами, а следователи возбуждают дело по преднамеренному банкротству! Мы должны пойти на его условия. Другого выхода нет!

Агница медленно перевела на финансового директора взгляд своих серо-стальных глаз. В комнате мгновенно похолодело. Громов поперхнулся воздухом и осекся.

— Выход есть всегда, Аркадий Львович, — произнесла она негромко, но с той абсолютной, хирургической четкостью, от которой по спинам топ-менеджеров пробежал мороз. — Например, провести независимый судебный аудит тех шестисот миллионов рублей, которые ваш департамент списал на кипрский офшор *Nordic Maritime Ltd* за три дня до смерти моего отца. Как вы думаете, сколько часов потребуется следователям Второго управления по особо важным делам, чтобы квалифицировать эту проводку как мошенничество в особо крупном размере в составе организованной группы?

Громов побелел еще сильнее, судорожно вжавшись в спинку кресла. Его пальцы мелко задрожали, выронив шариковую ручку, которая с глухим стуком покатилась по полированному ореху.

— Еще вопросы по повестке дня есть? — спросила Агница, обедая взглядом притихших мужчин.

Никто не проронил ни слова.

Ровно в 10:00 тяжелые латунные ручки входных дверей особняка провернулись с сухим, щелкающим звуком.

Двустворчатые дубовые створки распахнулись. Без стука. Без доклада секретаря.

В зал заседаний вошли шестеро.

Первыми бесшумно вошли двое сотрудников личной безопасности Воронцова — широкое плечо оперативники в строгих темных костюмах с микронаушниками в ушах. Они не делали лишних движений: мгновенно оценили углы обзора, перекрыли выходы и замерли у стен по обе стороны от дверей. За ними проследовали двое старших партнеров юридической фирмы «Монастырский и партнеры» с жесткими титановыми кейсами и государственный арбитражный управляющий с объемистой синей папкой исполнительного производства.

И последним порог перешагнул Кирилл Воронцов.

Пространство зала словно прогнулось под его присутствием. Воздух стал плотным, наэлектризованным, пахнувшим сыростью балтийского ветра, выдержанным английским табаком и тяжелым, сухим ароматом удового дерева.

Воронцов был в безупречно подогнанном по фигуре графитовом костюме-тройке из шерсти Savile Row. Никаких пальто, шарфов или лишних деталей: идеальная посадка плеч, белоснежная сорочка с французскими манжетами, скрепленными платиновыми брусками запонок, и галстук цвета вороненой стали. На левом запястье тускло отсвечивал сатинированный корпус Patek Philippe Nautilus с глубоким синим циферблатом.

Он двигался с той опасной, почти кошачьей экономией движений, которая выдает человека с боевым прошлым. Никакой суеты, никаких показных жестов власти. Его сила не нуждалась в повышении голоса или агрессивной мимике: она ощущалась физически, как низкочастотная вибрация работающей турбины.

Его серые, обесцвеченные глаза скользнули по застывшим фигурам вице-президентов, безошибочно считали их животный страх и остановились на Агнице.

Она сидела прямо, положив руки на край столешницы. Ее спина не коснулась спинки кресла ни на миллиметр.

Взгляды скрестились.

Это не была мимолетная оценка на кладбище. Это был очный, беспощадный клинч двух хищников в границах одной закрытой территории. Воронцов сканировал ее лицо, отмечая ледяную невозмутимость, тонкую полосу сжатых губ и полное отсутствие страха. Агница смотрела в его зрачки, пытаясь разглядеть за фасадом безжалостного государственного рейдера

того человека, которому ее отец за несколько часов до смерти доверил спасение своей единственной дочери.

Воронцов не стал занимать предложенное ему протокольное кресло в центре стола. Он прошел в противоположный торец, выдвинул массивный дубовый стул напротив Агницы и оперся кулаками о дерево, оставшись стоять.

— Доброе утро, господа, — произнес он. Голос звучал низко, с мягкой, почти бархатной хрипотцой, заставлявшей присутствующих холодеть. — И вам доброго утра, Агния Олеговна. Приятно видеть, что лондонская пунктуальность не покидает вас даже в условиях глубокого регионального кризиса.

— Протокол совета директоров не предполагает светских бесед, Кирилл Николаевич, — ровно ответила Агница. — Вы потребовали экстренного заседания. Время идет. Изложите суть ваших претензий к ПАО «Северный Транзит».

Воронцов едва заметно усмехнулся углом рта — темное, едва уловимое движение губ. Он сделал легкий жест рукой в сторону своих юристов.

Старший партнер юридической группы открыл кейс и выложил на середину стола три увесистых тома документов, прошитых шелковыми нитями и скрепленных сургучными печатями международных депозитариев.

— Десять месяцев назад, — заговорил Воронцов, медленно обводя взглядом застывших директоров, — ваш холдинг привлек целевой синдицированный заем в размере пятисот миллионов евро на глубокую модернизацию мощностей терминала в Усть-Луге. Европейские банки вышли из сделки, переуступив права пулу азиатских фондов. Обеспечением по займу выступили синтетические деривативы — кредитные дефолтные свопы, выпущенные под залог ста процентов обыкновенных акций головной компании.

Он сделал паузу, оперевшись на стол чуть сильнее:

— В кредитный договор номер СТ-09 был включен стандартный ковенант: Change of Control и Key Person Clause. Утрата основателем холдинга Олегом Раевским фактического контроля над операционной деятельностью активирует безусловный Margin Call со стороны кредиторов. Вчера фонд «Aeterna Capital» завершил консолидацию ста процентов указанных долговых обязательств через закрытый клиринг в Сингапуре.

Громов всхлипнул, закрыв лицо ладонями. Казанцев уронил голову на грудь.

— Мы констатируем наступление дефолтного события, — продолжил Воронцов. В его голосе не было торжества — только сухая фиксация неизбежного. — Общий объем неисполненных обязательств холдинга на текущую минуту составляет сорок шесть миллиардов четыреста двадцать миллионов рублей с учетом штрафных санкций и накопленной купонной доходности. Срок добровольного удовлетворения требований — сегодня до семнадцати ноль-ноль по московскому времени.

— Холдинг не располагает такой свободной ликвидностью на операционных счетах, — глухо выдавил Шестаков, прижимая к себе портфель. — Вы прекрасно это знаете, Кирилл Николаевич.

— Разумеется, знаю, — Воронцов медленно отодвинул кресло и сел, застегнув среднюю пуговицу пиджака. Положил руки на стол, переплетя длинные, сильные пальцы. — Поэтому «Aeterna Capital» не требует немедленного списания денежных средств. Мы предлагаем мировое соглашение: реструктуризация долга путем конвертации обязательств в девяносто процентов обыкновенных акций холдинга с передачей функций единоличного исполнительного органа управляющей компании нашего фонда. Старая команда сохраняет десятипроцентный пакет без права голоса и фиксированные дивидендные выплаты. Порт продолжает работать. Суда встают под погрузку в штатном режиме.

— А если совет директоров отклонит ваше великодушное предложение? — спросила Агница. Ее тон был обманчиво спокойным.

Воронцов посмотрел ей прямо в глаза:

— Тогда ровно в семнадцать ноль-один арбитражный управляющий, сидящий за моей спиной, регистрирует в Арбитражном суде Санкт-Петербурга заявление о признании ПАО «Северный Транзит» банкротом по упрощенной процедуре ликвидируемого должника. Суд вводит наблюдение, счета блокируются бессрочно, полномочия правления аннулируются. А материалы форензик-аудита по выводу средств на кипрские структуры за последние три года ложатся на стол начальника следственной службы ФСБ по городу и области.

Он наклонился чуть вперед, сокращая дистанцию:

— У каждого из присутствующих здесь членов правления появится процессуальный статус подозреваемого по статье 196 Уголовного кодекса — преднамеренное банкротство в составе организованной группы. Это от семи до десяти лет лишения свободы, господа. И никакие офшорные паспорта вам не помогут: границы для вас закрыты со вчерашнего вечера.

Казанцев вздрогнул, уставившись на Воронцова безумными глазами:

— Мы подпишем... Агния Олеговна, ради бога, подпишите! Это единственный способ сохранить компанию! Десять процентов — это лучше, чем тюрьма!

— Молчать, — не повышая голоса, оборвала его Агница.

Слово прозвучало как выстрел в закрытом тире. Казанцев замер с открытым ртом.

Агница медленно раскрыла кожаную папку Шестакова. Достала плотный лист бумаги с гербовой водяной защитой и положила его поверх стопки финансовых отчетов. Затем взяла тяжелую перьевую ручку Montblanc, сняла колпачок и положила его рядом. Металл тихо звякнул о полированное дерево.

Она подняла глаза на Воронцова. В глубине ее зрачков плясали холодные, беспощадные искры.

— Ваша конструкция великолепна, Кирилл Николаевич. Классическая схема недружественного поглощения через скупку проблемных долгов на вторичном рынке и искусственное провоцирование ковенантного дефолта. В учебниках по слияниям и поглощениям Лондонской школы экономики этой атаке поставили бы высший балл.

Воронцов не шелохнулся. Он слушал ее с тем же непроницаемым выражением лица, но его серые глаза сузились, фиксируя каждое ее движение.

— Но в вашем плане есть одна критическая ошибка, — продолжила Агница. Ее голос приобрел режущую плотность хирургического скальпеля. — Вы строили свою модель на предположении, что после физической смерти основателя холдинг останется обезглавленным, а реестр акций будет заблокирован до истечения полугодового срока вступления в наследство. Вы рассчитывали взять совет директоров на испуг, пока наследственная масса находится в юридическом вакууме.

Юристы Воронцова за его спиной переглянулись. Арбитражный управляющий нервно поправил галстук.

— Статья четырнадцать соглашения о синдицированном займе, на которую вы ссылаетесь, подчинена не только нормам английского договорного права, — Агница придвинула документ на середину стола. — Она ограничена положениями специального Устава ПАО «Северный Транзит», согласованного Правительственной комиссией по контролю за иностранными инвестициями при учреждении холдинга. Акция номер ноль-ноль-один — так называемая «Золотая акция», принадлежавшая Олегу Раевскому, — наделена статусом абсолютного блокирующего вето на любые решения об изменении уставного капитала, отчуждении долей, конвертации долгов в акции и смене генерального директора.

— Право вето прекращено смертью держателя, — резко вставил старший партнер юристов фонда, шагнув вперед. — Личные неимущественные права не входят в наследственную массу в силу статьи тысячи сто двенадцатой Гражданского кодекса!

Агница даже не удостоила его взглядом. Она смотрела только на Воронцова.

— Сядьте на место, коллега, и не позорьте свою альма-матер, — ледяным тоном бросила она. — Право вето по Золотой акции «Северного Транзита» привязано к титулу владения специальным инвестиционным паем, зарегистрированным в закрытом реестре Федерального казначейства. А вчера в двадцать три часа сорок пять минут нотариус Шестаков на основании статьи тысячи сто семьдесят третьей ГК РФ официально учредил доверительное управление указанным имуществом по прямому завещательному распоряжению моего отца.

Шестаков с видимым облегчением вынул из портфеля и шлепнул на стол нотариальное свидетельство с голографической печатью:

— Завещательное распоряжение составлено Олегом Константиновичем Раевским за четырнадцать дней до гибели. Верифицировано в единой информационной системе нотариата. Доверительным управляющим Золотой акции с правом абсолютного вето на срок до завершения наследственного дела назначена Раевская Агния Олеговна. Единолично.

В зале повисла такая тишина, что стало слышно, как на Английской набережной взывала сирена проезжающей скорой помощи.

Казанцев и Громов медленно подняли головы, глядя на Агницу со смесью дикого ужаса и зарождающейся надежды.

— И это еще не все, Кирилл Николаевич, — голос Агницы стал почти шепотом, но каждое слово падало с тяжестью гранитной плиты. — Ровно в девять часов пятнадцать минут утра судья Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области вынес определение по нашему экстренному заявлению. Карточка арбитражных дел, номер А56-88192/2026.

Она достала второй документ — судебное определение с синей гербовой печатью:

— В порядке статьи девяносто первой Арбитражного процессуального кодекса суд принял предварительные обеспечительные меры. На все требования фонда «Aeterna Capital», вытекающие из владения кредитными дефолтными свопами, наложен полный судебный арест. Вашему фонду запрещено: голосовать указанными требованиями, предъявлять их к досрочному погашению, инициировать процедуру банкротства и требовать созыва внеочередного собрания акционеров до вступления в силу решения по нашему встречному иску.

Один из юристов Воронцова судорожно выхватил из кармана смартфон, открыл приложение `kad.arbitr.ru`, вбил номер дела и замер с побелевшим лицом:

— Определение зарегистрировано в девять семнадцать... Обеспечение наложено в полном объеме.

— Мы инкриминируем вам статью десятую Гражданского кодекса — злоупотребление правом с целью причинения вреда стратегическому предприятию, — чеканила Агница, не отрывая взгляда от серых глаз Воронцова. — А также картельный сговор на рынке транспортировки углеводородов. Вы не получите этот холдинг сегодня в пять вечера, господин Воронцов. И через месяц не получите. Вы завязнете в апелляциях и кассациях на полтора года. А за это время независимая группа международного форензика проверит происхождение каждого цента, на который ваш фонд скупал эти свопы в Сингапуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.